

ризиками, спрямованість яких обумовлюється інвестиційними стратегіями кожного учасника проекту. У процесі вибору методів слід скористатися принципом обмеженої ефективності, за яким суму можливого прибутку проекту доцільно порівняти з величиною імовірних збитків або витрат. Якщо прибуток перебільшуватиме їх суму, використання обраного методу є економічно доцільним.

Таким чином, можливо зробити висновки про те, що інвестиційний ризик є постійним супутником процесу капіталовкладень, тому необхідно розраховувати його кількісну величину за допомогою ймовірносного методу з урахуванням значущості настання кожної ризикованої події, яка може супроводжувати певний вид інвестиційного проекту. Узагальнюючими показниками для внутрішнього і зовнішнього ризиків є коефіцієнти варіації. На їх основі ОПР можуть приймати обґрунтовані управлінські рішення про запобігання, уникнення, зменшення або прийняття ризиків, враховуючи і порівнюючи можливі прибутки, збитки і витрати.

Викладені в статті пропозиції є підґрунтям для розробки програмного забезпечення щодо їх автоматизованого супроводу. Подальшими дослідженнями у напрямку управління ризикозахищеністю процесу інвестування є обґрунтування тактичних й оперативних організаційних заходів щодо зменшення інвестиційного ризику.

Література

1. Вітлінський В.В., Наконечний С.І. Ризик у менеджменті. – К.: ТОВ "Борисфен – М", 1996. – 336 с.
2. Вітлінський В.В. Аналіз, оцінка і моделювання економічного ризику. – К.: "Деміур", 1996. – 212с.
3. Ястремський О.І. Моделювання економічного ризику. – К.: Либідь, 1992. – 174с.
4. Клебанова Т.С., Раевнева Е.В. Теория экономического риска. – Харьков: Изд. ХГЭУ, 2001. – 132 с.
5. Бланк И.А. Инвестиционный менеджмент. – К.: Эльга-Н, Ника-Центр, 2001. – 448 с.
6. Беренс В., Хавранек П. М. Руководство по оценке эффективности инвестиций: Пер. с англ., перераб. и дополн. изд. – М.: АОЗТ «Интер-Эксперт», «ИНФРА-М», 1995. – 528 с.
7. Бирман Г., Шмидт С. Экономический анализ инвестиционных проектов / Пер. с англ. под ред. Л. П. Белых. – М.: Банки и биржи, ЮНИТИ, 1997. – 631 с.
8. Кроль Ю.Я. Економічний механізм процесу інвестиційного бізнес-планування (методологія та практика). – Харків: Основа, 2002. – 176 с.
9. Механизм управления предприятием: стратегический аспект / Пономаренко В.С., Ястремская Е.Н., Луцковский В.М. и др. – Харьков: Изд. ХГЭУ, 2002. – 252 с.
10. Ястремська О.М. Інвестиційна діяльність промислових підприємств: методологічні та методичні засади. Наукове видання. – Харків: Вид. ХДЕУ, 2004. – 472 с.

Статья поступила в редакцию 17.01.2007

В.В. ЛИПОВ, к.э.н., доцент,

Харьковский национальный экономический университет

ИЗМЕНЕНИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ЭКОНОМИК В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ТОЧКИ БИФУРКАЦИИ

«Чтоб свято чтить обычные дни – Надо лишь помнить:
От вас – от меня – Могут взять они малость – *Дар бытия.*
Чтоб жизнь наделить величьем – Надо лишь помнить –
Что желудь здесь – Зародыш лесов В верхоях небес»

(Эмили Диксон)

В основе экономических преобразований на постсоветском пространстве находится трансформация институциональных систем, создание институтов рыночной экономики. Проблема формирования теории институциональных изменений приобретает в этих условиях особую значимость и актуальность. Обзор

работ по проблеме институциональных изменений представлен в нашей работе [1]. Следует так же упомянуть новую работу В. Тамбовцева, нацеленную «на охват всех основных функций, которые должна реализовать теория институ-

© В.В. Липов, 2007

циональных изменений» [2]. Последствия влияния глобализации на развитие институциональных систем затрагивают в своих работах авторы коллективной монографии «Многоликая глобализация» [3], И.Валлерстайн[4], В.Иноземцев[5].

Хаотический, полицентричный, независимый и неуправляемый характер внешних воздействий в условиях глобализации оказываются вне сферы воздействия национальных правительств. Разумность, рациональность, лежащие в основе деятельности разрозненных как микро-, так и макроэкономических субъектов, порождают хаос. Свой вклад в исследование этих процессов могут внести синергетические методы исследования. «Синергетика, – утверждает В.-Б. Занг, – определяется как наука о коллективных статических и динамических явлениях в закрытых и открытых многокомпонентных системах с «кооперативным» взаимодействием между элементами системы. ... синергетика концентрируется на структурных особенностях пространственно-временной самоорганизации систем» [6, с. 16]. Внимание ученых сосредотачивается на том, как порядок дает начало хаосу, в котором зарождается новый порядок. Эти же свойства эволюционных систем изучает синергетическая экономика. Она сосредотачивается на изучении динамики структурных изменений, явлений неустойчивости, нелинейности, неравновесности экономической реальности. Она признает подверженность анализируемых переменных нерегулярным флуктуациям, носящим необратимый, хаотический характер. Хаос как форма существования объектов экономической среды оказывается в центре внимания нового подхода.

Нацеленность на изучение динамических аспектов хозяйствования объединяет синергетическую экономику с теориями экономического развития, институциональных изменений. Отличие синергетического подхода заключается в методологическом допущении о возникновении в процессе самоорганизации из хаотических состояний сложно организованных структур. Малые последовательные изменения, медленные процессы сменяются резкими, непредсказуемыми изменениями. Постепенные количественные изменения в системе в определенный момент приводят к резким качественным преобразованиям самой системы. Эволюционный путь развития сменяется быстрыми, скачкообразными революционными изменениями [7, с. 199].

Ключевое значение в ходе трансформации приобретает бифуркация – приобретение

нового качества динамической системы при малом изменении её параметров [8, с. 91]. Момент, когда существующая система в результате медленных эволюционных изменений обретает неустойчивый характер, точка бифуркации, оказывается уникальным моментом выбора, ветвления вариантов развития, изменения структуры и механизма функционирования процесса.

Задача предлагаемой статьи – изучение возможностей использования подходов синергетической экономики для исследования институциональных изменений в трансформационных экономиках в условиях глобализации.

В ходе институциональных изменений процессы бифуркации приобретают особую значимость. Ведь, по самой своей сущности, институты призваны социально фиксировать, закреплять алгоритмы поведения людей. Устойчивость институциональной системы обеспечивает стабильность существования общества. Соответственно, трансформация институтов предполагает изменение того, что призвано обеспечить постоянство, защиту от изменений, то, на чем покоится стабильность общества. Когда мы говорим о поиске методов трансформации институтов, речь идет о выборе инструментов второго порядка, предназначенных «резать инструментальные стали», вносить изменения в механизмы, призванные обеспечивать устойчивость общества.

Трансформация (от лат *transformatio* – изменять) – процесс превращения одной экономической системы в другую, сопровождающийся отмиранием одних элементов, черт, свойств и появлением других [9, с. 687]. Трансформация – длительный процесс. Победа буржуазной революции вовсе не означает полное и окончательное формирование институциональной системы, обеспечивающей функционирование рыночной экономики. По подсчетам К. Поланьи процесс закрепления рыночной экономики в качестве доминирующего способа хозяйствования в Европе растянулся минимум на два столетия [10, с. 55-68]. Модернизация, переход от традиционного к индустриальному обществу, затрагивает глубинные основы его существования, предполагает революционные, бифуркационные изменения институтов хозяйствования.

В. Мау выделяет ряд характерных для большинства революций этапов, фаз революционного процесса [11]. Рассмотрим эти фазы, акцентируя внимание на характере институциональных трансформаций. Предшествующий революции период экономического роста за-

вершается институциональным кризисом. Он связан с потерей устойчивости традиционного институционального устройства. Умеренные институциональные реформы на первом этапе революции (первая – вторая фазы по В. Мау) наталкиваются на противоречия в среде победивших, сопротивление проигравших и групп, интересы которых игнорируются. Непрофессионализм, противоречия экономической политики и просчеты победившей партии обуславливают начало экономического кризиса.

На втором этапе революции (третья – четвертая фазы) к власти приходит правительство радикалов. Усталость населения, существенное ослабление предшествующей институциональной системы, хозяйственная дезорганизация, готовность правительства к радикальным действиям приводят к достижению институциональной системой точки бифуркации. С одной стороны «... Борьба правительства за выживание, – отмечает В. Мау, – обуславливает комплекс экономико-политических шагов, которые оказываются критически важными для формирования послереволюционного облика страны» [11, с. 293]. С другой - «То, что было невозможно в первый период, теперь становится чрезвычайно легким. – Утверждает П. Сорокин. – Население становится инертной массой, из которой можно лепить многое. Она – благоприятный материал для деятельности любых «обуздывателей». [12, с. 410]. Причем, результаты бифуркации вовсе не обязательно должны закреплять движение вперед, прогрессивные изменения, вполне вероятен откат к более ранним стадиям развития, к институтам традиционного общества.

Французы свое современное государство называют Пятой республикой. Завершение процесса модернизации, начатого революцией 1789 г., относят ко второй половине XX ст., времени правления генерала де Голля. «Старинная крестьянская Франция, Франция городков, деревень, деревушек, хуторов, не менялась до 1914 г., – отмечает Ф. Бродель, – а, может быть, до 1945 г.». К тому же, если переход от монархии к республике, как правило, был связан с революциями, кровавыми войнами, то возврат назад происходил мирными средствами, путем «демократического» голосования. Ту же картину мы наблюдаем в Германии, Австрии, Венгрии, Польше, Югославии [14].

Бифуркационные изменения основ институциональной системы подводят итог предшествующему эволюционному этапу. Они могут вести к формированию нового состояния институциональной системы или обусловить

откат назад. Революционный взрыв уничтожает как устаревшие, так и вполне пригодные институты. Поэтому нормализация общественной жизни связана с восстановлением тех форм, «... которые не утратили своего совершенства, которые уже знакомы, которые при данных условиях являются наилучшими. Ориентировочные поиски общества неизбежно приводят к этим формам. ... Только те институты и формы быта, которые действительно изжиты ... – только они обречены на замену их новыми. Рядом с «реставрацией» мы и видим эту замену, ибо ни одна революция не кончается абсолютной реставрацией прошлого. Таков механизм и причины контрреволюции» [12, с. 411].

Решительность правительства радикалов позволяет смягчить действие негативных трендов. Однако его падение остается неминуемым. У нового правительства уже нет ресурсов для кардинального изменения направления институциональных изменений, заложенных радикалами. Попытки это сделать только обостряют кризис, приводят к ухудшению жизни большинства населения. Возврат к эволюционной траектории развития общества намечается в шестой, заключительной, фазе, когда происходит постепенная стабилизация экономики. В конечном результате общество приходит к изменению институциональных основ хозяйствования, доминированию рынка.

Основу институциональной системы составляют ценности [15]. В них закрепляются мировоззренческие устои общества, они составляют внутреннюю для индивида основу его единения с обществом. Они определяют отношение личности к окружающему миру, направленность, интенсивность, приемлемые формы деятельности, формируют стержень, рамки изменений институтов.

С указанной ролью ценностей связан содержательный аспект институциональной бифуркации. С одной стороны, вторичные по отношению к ценностям институты, приходя в конфликт с ценностной системой личности и общества, оказываются недееспособными, отвергаются в процессе повседневной жизни общества. С другой стороны, ценностная система сама оказывается подверженной воздействию внешней среды и претерпевает изменения. Характер подобных изменений оказывает решающее влияние на модернизацию общества, успех рыночных преобразований. Соответственно, адекватное представление о характере ценностной системы, в максимальной степени соответствующей рыночной экономике, её соотношении с доминирующими ценностями на

циональной культуры, влиянии внешней среды на трансформацию социальных ценностей, поиск точек бифуркации ценностных систем приобретают решающее значение при формировании политики институциональных изменений.

Квинтэссенцией ценностной системы, в максимальной степени отвечающей потребностям рыночной экономики, можно назвать комплекс ценностных установок, получивших название «Дух капитализма». Широкое признание это понятие получило благодаря работам М. Вебера [16]. Манифестом «Капиталистического духа» называют произведения Б. Франклина [17, с. 82-83; 97-103]. К проблеме изучения «истории духовного развития современного экономического человека» обращался и современник, коллега, друг и оппонент М. Вебера, немецкий социолог и экономист В. Зомбарт. Не со всем в творчестве этого ученого можно согласиться, но многое в его научном наследии прошло испытание времени и заслуживает внимания. Ключевое значение для определения ценностных основ капиталистической экономики по В. Зомбарту имеет его работа «Буржуа» [18]. Автор выделяет составляющие капиталистического духа – предпринимательский и мещанский дух.

Духовные качества предпринимателя предопределяются функциями, которые он выполняет. Как завоеватель он должен обладать духовной свободой для самостоятельного планирования, предвидения и определения путей и средств достижения нового; духовной энергией для осуществления своих планов; упорством, отвагой, способностью к риску, духовной эластичностью, упругостью в сочетании с постоянством. Как организатор он должен уметь оценивать людей, иметь талант заставить их работать вместо себя, при том каждый должен заниматься тем делом, в котором он может принести максимальную отдачу, соблюдая свою роль в технологической цепочке. Как торговец он должен уметь «вести торг» - вести переговоры, договариваться, сговариваться, посредством переговоров заставлять без применения средств принуждения других служить своим целям. «Переговоры, – утверждает В. Зомбарт, – это борьба духовным оружием» [18, с. 88].

Начатки предпринимательства мы находим в военных походах, земледельческой деятельности, государственном строительстве, деятельности религиозных организаций. К основным типам предпринимателей В. Зомбарт относит разбойников, феодалов, государствен-

ных чиновников, спекулянтов, купцов и ремесленников. Разбойничьи походы – первая форма капиталистического предприятия, утверждает В. Зомбарт. Каперство и морской разбой переходят одно в другое. Privateer превращается в Pirate. Одинаковую картину мы наблюдаем в Италии, Франции, Англии, США. Разновидность морского разбоя – путешествия с целью открытий. Их движущей силой оставалась страсть к наживе. Предпринимательская деятельность землевладельцев-феодалов основывается на праве владения землей и принуждения к труду крепостных крестьян. Потребность обеспечения государственных расходов стимулирует предпринимательскую активность государственных чиновников. Общим для перечисленных форм предпринимательства является применение принудительных, неэкономических средств в отношении к хозяйствующим субъектам. Социальная сторона жизни этих групп предпринимателей регулируется правилами сеньориального устройства. Потребности ведения подобающего общественному положению образа жизни, расход определяет размер необходимого дохода. Праздность и расточительность – знаки социального положения. Хозяйственная деятельность не порождает капитализма как системы отношений.

Отличительная особенность предпринимателя-спекулянта (прожектера, инноватора) состоит в том, что на место принуждения он ставит убеждение внешних субъектов в целесообразности совершения некоторых действий, “на место страха в качестве движущей силы он ставит надежду” [18, с. 131]. Деятельность ремесленника связана с традиционным типом хозяйствования, ограничена в своих масштабах, но именно из ремесленнического предприятия вырастает капиталистическая мануфактура. Купец-промышленник – это тип предпринимателя, который постепенно переходит от торговой деятельности к организации производства экономических благ. Объединяет купца, спекулянта и ремесленника отказ от внеэкономических форм воздействия на участников экономического процесса. Нормы морали, определенные этические принципы социальной жизни превращаются в необходимый компонент, обеспечивающий экономическое взаимодействие. Мещанские добродетели – воззрения и принципы, которые вместе составляют хорошего гражданина и отца семейства, солидного и «осмотрительного» делового человека. Они распространяются на внутреннее устройство хозяйства и регулирование отношений хозяйствующих субъектов. Добродетели первого рода

выражены в мемуарах Б. Франклина [18, с. 159-164]. Особое место уделяется рационализации, обдумыванию, экономизации ведения хозяйства, умению соотносить расходы с доходами, отношению ко времени, как к богатству. В отношениях с внешними субъектами мещанские добродетели обретают воплощение в потере моральными нормами личностной окраски. Коммерческая солидность основывается на морали верности договорам, пунктуальности в их выполнении, благопристойности, благонадежности. Причем истоки подобной морали имеют вполне утилитарное оправдание – это «поднимает кредит», доверие к самому субъекту. Отношение к труду как способу исполнения своего религиозного долга, «молитве в действии» обеспечивает формирование трудовой этики. Особую группу мещанских добродетелей составляет «отчетность» – склонность, обыкновение, способность и умение разлагать и выражать повседневные хозяйственные операции в числа, искусной системе прихода и расхода. На её основе становится возможным соотносить свои расходы с поступлениями. Мещанский дух означает принципиальный отказ от правил сеньориального устройства жизни. Для мещанина альфа и омега искусства экономии состоит в расходовании меньше, чем имеешь дохода, накопительстве. Бережливость превращается в идеал.

Сочетание предпринимательского и мещанского духа является одним из неперемных условий формирования капиталистической, рыночной экономики. Отсутствие одной из составляющих приводит к откату общества к феодальному строю хозяйствования. Так было не раз в истории. И здесь мы вновь встречаемся с точками бифуркации, запуска механизма формирования рыночной экономики или возврата назад к феодальной системе хозяйствования.

В Италии зачатки капиталистического духа мы находим уже в античном мире, он расцветает в XIII ст. Однако с XVI ст. радость наживы и деловое трудолюбие уступают место спокойному, полусеньориальному, полурантье-ерсокому образу жизни. На Пиренейском полуострове капиталистический дух получает развитие уже в XIV ст. Развивается мореплавание, торговля, в XVI ст. широкое развитие получает промышленность. Однако в XVII ст. наступает полный застой. Духовные интересы наций переклюкаются на церковные, придворные и рыцарские дела. Особенностью Франции был спекулятивный дух предпринимательства, почтение чиновничьего сословия, пренебрежение к

производственной и торговой деятельности. При первой возможности удачливый предприниматель стремится купить себе должность, именование, дворянский титул, отказывается от предпринимательства. В Германии капиталистический дух начинает развиваться в XV ст., в эпоху Фугеров. Однако уже во второй половине XVI ст. начинается процесс рефеодализации. Лишь с 1850 г. он окончательно расцветает. «В XVII ст. Голландия, бесспорно, вполне образцовая страна капитализма; – утверждает В. Зомбарт. – ... она высшая школа всех коммерческих искусств, рассадник мещанских добродетелей...» [18, с. 188]. Последние сочетаются с воинственностью мореплавателей и уловками хитрых торгашей. В XVIII ст. сокращаются объемы купеческой деятельности в пользу сначала комиссионных, а далее кредитных операций. Предпринимательский дух иссякает. Активизация предпринимательского духа в Англии относится к XVII ст. Она связывается как со стремлением к завоеваниям, так и с ростом предпринимательской активности землевладельцев. Конец XVIII ст., период промышленной революции, совпадает с расцветом мещанских добродетелей. Взрывоподобный рост капиталистического духа в Шотландии относится к началу XVIII ст., завершение революции смещает интересы и усилия народа с религиозных распрей и вооруженных конфликтов на коммерцию.

В европейских государствах, расположенных к Востоку от Эльбы с XV ст. происходит усиление крепостной зависимости крестьянского населения, рефеодализация хозяйственной жизни. «С началом XVI ст. конъюнктура ... обрекла Восточную Европу на участь колониальную – участь производителя сырья» – утверждает Ф. Бродель [19, с. 259]. Причиной увеличения тягот барщины стал массовый спрос со стороны Западной Европы на продовольствие и сырье. Землевладельцы оказались вовлечены в капиталистическую мир-систему, но сами вели хозяйство на феодальных принципах. «Крупный земельный собственник не был капиталистом, но он был на службе у капитализма амстердамского или какого другого орудием и соратником. – Отмечает Ф. Бродель. – *Он составлял часть системы.*» [19, с. 264]. «Восточная Европа и Западное полушарие, – пишет И. Валлерстайн, – стали периферийными зонами, специализирующимися на экспорте зерна, драгоценных металлов, дерева, хлопка, сахара – все это благопритствовало использованию рабства и барщины как формы контроля над трудом» [4, с.37-38]. Происходит оттесне-

ние этих регионов на периферию капиталистического мира, и оно закрепляется в институтах хозяйствования. Условия ведения хозяйствования стимулируют закрепление сеньориальных отношений, приоритет сеньориальных ценностей у доминирующих субъектов хозяйствования.

Ситуация в странах Восточной Европы в начале нового тысячелетия во многом напоминает положение, сложившееся с начала XVI ст. “Восточную Европу принимали в Евросоюз, чтобы удобно встроить её в свою систему в качестве периферии. – Утверждает О. Власова. – То есть там остается то производство, которое нужно центру, а все остальное сворачивается. Так, в Польше были закрыты многие металлургические и машиностроительные заводы. При этом активные и квалифицированные трудовые ресурсы переместились в центр. Восточноевропейские страны постепенно должны превратиться в придаточные экономические зоны...” [20, с. 82].

История повторяется. И имеет существенные отличия. Экономике стран Восточной Европы принимают место и роль в международном разделении труда, которые им предлагает экономически более развитый Запад. Задаваемые условия влияют на формирование институциональной системы, оказывают воздействие на ценностные основы хозяйствования. В то же время, в отличие от XVI ст., закрепившего предыдущую институциональную систему, постсоветские страны проходят период бифуркации институциональных систем, время «встречи с судьбой». Потенциально имеется выбор возврата к ценностной системе сеньориального общества (страны Латинской Америки, мусульманские страны), перехода к ценностным системам обществ становления и развития капитализма (период «разбойничьего капитализма», развивающиеся страны), «новой экономики» (НИС), постиндустриального общества (ПРС). Прохождение точки бифуркации, закрепление в общественном сознании нового институционального комплекса означает формирование нового Path Dependents, зависимости пути развития. В условиях глобальной открытости информационной экономики успех в международной конкуренции в решающей степени зависит от ценностных оснований социально-экономических моделей. Выбор и эффективное их формирование надолго предопределяет место страны в глобальной мир-системе [7, с. 201-206]. Использование потенциала синергетической экономики будет способствовать решению этой проблемы.

Литература.

1. Липов В.В. Институциональные изменения: движущие силы, субъекты и механизмы осуществления // Научн. труды ДНТУ. Сер. Эконом. Вып. 103-1. – 2006. – С.107 – 114; то же: <http://www.donntu.edu.ua>.
2. Тамбовцев В.Л. Экономическая теория институциональных изменений. – М.: Теис, 2005. – 542 с.
3. Многоликая глобализация. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 379 с.
4. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. – СПб.: Университетская книга, 2001. – 416 с.
5. Иноземцев В. Расколотая цивилизация. – М.: Academia, 1999. – 724 с.
6. Занг В.-Б. Синергетическая экономика. – М.: Мир, 1999. – 335 с.
7. Липов В.В. Случайность и стимул: Синергетика и экономическая теория развития // Философия хозяйства. – 2001. – № 3. – С.197 – 206; то же: <http://www.forum.barrel/filhoz15/statia52.htm>.
8. Глобалистика: Энциклопедия. – М.: Радуга, 2003. – 1328 с.
9. Економічна енциклопедія. Т. 3. – К.: Академія, 2002. – 952 с.
10. Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. – СПб.: Алетей, 2002. – 320 с.
11. Мау В.А. Политическая экономия революции // Истоки. Вып. 4. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 448 с.
12. Сорокин П. Социология революции. – М.: Территория будущего, 2005. – 704 с.
13. Бродель Ф. Что такое Франция. Кн. 2. Ч.2. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1997. – 511 с.
14. Травин Д., Маргания О. Европейская модернизация. В 2-х кн. – М./СПб.: АСТ/TerraFantastica, 2004. – Т. 1, 665 с.; Т 2, 572 с.
15. См.: Липов В.В. Мотивація інституціональних змін у трансформаційній економіці. Монографія. – Х.: Вид-во НФаУ, 2004. – 184 с.; Липов В.В. Институциональная составляющая социально-экономических моделей. – Научн. труды ДНТУ. Сер.: Эконом. Вып. 89 – 1. – 2005. – С. 112 – 118; то же <http://www.donntu.edu.ua>.
16. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранное. – М.: Прогресс, 1990. – С. 60 – 272.
17. Франклин Б. Избранное. – М.: Политиздат, 1956. – 632 с.
18. Зомбарт В. Буржуа // Зомбарт В. Собр.

соч в 3-тт. Т. 1. – СПб.: Владимир Даль, 2005. – С.27 – 478.

19. Бродель Ф. Игры обмена. – М.: Прогресс, 1988. – 632 с.

20. Власова О. Хватит врать // Эксперт. Украина. – 2006. – № 44. – С. 76 – 82.

21. См. напр.: Бодрийяр Ж. Общество потребления: Его мифы и структуры. – М.: Республика/Культурная революция, 2006. – 269 с.; Грааф Де Дж., Ванн Д., Нэйлор Т.Х. Потребляемость: Болезнь, угрожающая миру. – Екатеринбург: Ультра.Культура, 2005 – 392 с.

22. Брэдфорд Де Лонг Дж. Бароны-разбой-

ники // Очерки о мировой экономике: Выдающиеся экономисты мира в Московском Центре Карнеги. – М.: Гендальф, 2002. – С. 179 – 207.

23. Маркс К. Капитал. Т. 1 // К. Маркс, Ф. Энгельс Собр. соч. 2-е изд.. Т. 23. – М. Политиздат, 1960. – 908 с.

24. Конифф Р. Естественная история богатых. Полевые исследования. – Екатеринбург: У-фактория, 2004. – 496 с.

Статья поступила в редакцию 25.12.2006

К.К. ЧАРАХЧЯН, к.э.н., доцент,

Армавирский государственный педагогический университет

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ С ЕГО ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДОЙ

Любая экономическая система имеет свою внешнюю среду и взаимодействует с ней. В процессе взаимодействия претерпевают изменения и среда, и сама система. При взаимодействии государственного регулирования экономики (ГРЭ) и его институциональной среды центральной проблемой выступает степень соответствия между ними, позволяющая достичь намеченных государством хозяйственных результатов.

Ещё более острой данная проблема становится в условиях переходной (транзитивной) экономики, ибо высока изменчивость как элементов среды ГРЭ, так и компонентов государственного регулирования. Многие экономические отношения при переходе от централизованной командной экономики к рыночной возникают по принципу отрицания тех, что были присущи централизованной системе хозяйствования. Поэтому на первом этапе перехода к рыночной системе неизбежны «перегибы» в сторону экономического либерализма и уменьшения роли государства в хозяйственной жизни общества. По мере укрепления рыночных принципов организации хозяйства и складывания общенациональных рынков товаров и факторов производства необходимость в дополнении спонтанной координации хозяйственной деятельности иерархической координацией становится всё более очевидной.

Вместе с тем неустойчивость хозяйственных процессов и снижение жизненного уровня вызывают в условиях переходной экономики обращение широких слоёв населения к государству как фактору социальной защиты и га-

ранта проведения рыночных реформ, отвечающих общенациональным экономическим интересам. Поэтому в переходной экономике создаётся социальная почва для скачкообразного усиления роли государства в организации хозяйственной жизни.

В XX в. и учёным, и бизнес-сообществу развитых стран стало ясно, что государственное регулирование выступает необходимым элементом современной экономики и фактором воздействия практически на все хозяйственные процессы на микро-, мезо- и макроуровнях. В первой половине XX века ГРЭ уже было подготовлено предшествующим развитием экономической системы в большинстве стран мира. Став имманентным экономике феноменом, ГРЭ приобрело свою институциональную среду, которая состоит из совокупности нормативных отношений, правил поведения, влияющих на форму и содержание государственного регулирования экономики. В свою очередь, институциональная среда испытывает влияние ГРЭ.

Институциональная теория для анализа ГРЭ используется Дж. М. Бьюкененом, Д. Нортон, М. Олсоном, Т. Эггертсоном. Среди российских авторов в этой области выделяются работы Р. Нуреева, В. Тамбовцева, Ю. Латова, В. Полтеровича. Пока же в научной литературе уделяется недостаточно внимания к институциональным аспектам государственного регулирования рыночной экономики в целом, и переходной, в частности. Обоснование концептуального подхода к решению данной проблемы

© К.К. Чарахчян, 2007